

К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

DOI 10.25991/VRHGA.2018.19.3.018

УДК 1(091) (4)

*А. Я. Кожурин**

В ПОИСКАХ СПАСЕНИЯ: КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ**

Статья посвящена предреволюционной ситуации в России и ее осмыслению в отечественной консервативной мысли. Подчеркивается, что революция и последующая за ней Гражданская война стали переломными, трагическими страницами русской истории. Рассматривается оценка революции как сложного, многофакторного явления, данная консервативными мыслителями В. В. Розановым, А. С. Сувориным, Д. А. Хомяковым, Л. А. Тихомировым и др. В центре внимания автора находятся реформы П. А. Столыпина и их роль в дальнейшем развитии революционной ситуации. В статье дается обзор литературы по данной проблематике.

Ключевые слова: революция, консерватизм, реформы, либерализм, церковь, государство.

A. Ya. Kozhurin

IN SEARCH OF SALVATION: CONSERVATIVE MIND IN PRE-REVOLUTIONARY SITUATION

The article is about pre-revolutionary situation in Russia and its understanding in Russian conservative mind. It is emphasized that the revolution and subsequent civil war were landmark, tragic pages of Russian history. The assessment of the revolution as a complex, multifactorial phenomenon given by conservative thinkers is considered V. Rozanov, A. S. Suvorin, D. A. Khomyakov, L. A. Tichomirov and other. The author focuses on the P. A. Stoln's reforms and this role in development of revolutionary situation. The article gives an overview of the literature on this subject.

Keywords: revolution, conservatism, reforms, liberalism, church, state.

* Кожурин Антон Яковлевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; ankogyurin@rambler.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Красное и Белое: pro et contra» № 17-83-01004-ОГН.

Преждевременная смерть Александра III в 1894 г. стала тяжелым ударом по самим устоям Российской империи. На смену ему пришел еще весьма молодой, не успевший приобщиться к элементарным функциям управления, наследник — Николай Александрович (1868–1918). На первых порах он находился под сильным влиянием окружения Александра III, в частности К. П. Победоносцева. В январе 1895 г. новый император заявил депутатам, поздравлявшим его с бракосочетанием, буквально следующее: «Пусть все знают, что Я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный родитель» [4, с. 497]. Составителем этой речи, как и манифеста 1881 г., был обер-прокурор Святейшего Синода, но внимательным наблюдателям было очевидно, что Николай II уступал своему отцу практически по всем пунктам.

С вступлением на престол нового императора либеральные круги почувствовали своеобразное облегчение. Данное чувство было не случайно, ибо недоброжелатели видели разницу между двумя императорами — Александром III и Николаем II. Как писала В. М. Муромцева-Бунина, характеризуя умонастроения интеллигенции той эпохи: «После смерти Александра III возникли упования на ослабление режима» [11, с. 141]. Уже первые шаги императора предвещали что-то недоброе для возглавляемого им государства. Коронация Николая II обернулась Ходынкой — массовой гибелью народа во время торжеств, ставшей результатом упущений со стороны власть имущих. Виновные должного наказания не понесли. Общество затаило обиду на явную несправедливость, продемонстрированную в этом деле.

В первые десятилетия XX в. Российская империя находилась под постоянными ударами — как со стороны внешних сил, так и со стороны внутренних сил, заинтересованных в ее ослаблении и даже распаде. Накопившиеся противоречия выходили на поверхность одно за другим. В этой ситуации власть совершала ошибку за ошибкой. На первые годы начавшегося века пришлось неудачная для России русско-японская война, которая привела к революции 1905–1907 гг. Начало последней положило «кровавое воскресенье» (9 января 1905 г.), продолжилась она многочисленными стачками (до 3 млн участников) и волнениями в армии и на флоте. Непокойно было и в деревне, охваченной массовыми волнениями, сопровождавшимися погромами и поджогами дворянских усадеб. В октябре 1905 г. прошла Всероссийская политическая стачка, в ее ходе оппозиционным силам удалось принудить верховную власть издать Манифест 17 октября и пойти на созыв Государственной думы. Особую роль в этих событиях сыграл С. Ю. Витте, убедивший царя пойти на уступки. Между прочим, одним из условий своего сотрудничества он поставил немедленную отставку обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, который в глазах общественности был олицетворением реакции. Оказавшись не у дел, бывший «серый кардинал» занялся переводом на русский язык Нового Завета.

Наиболее радикальную часть политического спектра, однако, данные уступки не удовлетворили. Эти силы (эсеры, анархисты, различные фракции социал-демократов и др.) пошли на обострение ситуации. Данному обстоятельству благоприятствовало то, что Манифест 17 октября способствовал созданию в стране атмосферы безвластия и вседозволенности. В. В. Кожин приводит

свидетельство, согласно которому уже на следующий день после выхода Манифеста в здании Московской консерватории шел сбор денег на оружие для восставших, а кто-то из особо рьяных смутьянов делал доклад о преимуществе маузера перед браунингом [7, с. 247]. Кульминацией революционных событий стало вооруженное восстание в Москве, вспыхнувшее в декабре 1905 г. Значительная часть города оказалась в руках восставших, чья численность шла на тысячи. Для подавления этого выступления в Москву пришлось направлять гвардейские части из столицы.

Впрочем, чтобы окончательно справиться с бунтовщиками, властям потребовались не только армия и полиция, но и поддержка народа. Ее обеспечили черносотенные организации, наиболее известной из которых был «Союз русского народа», впервые заявивший о себе осенью 1905 г. По подсчетам современных историков, ряды черносотенцев насчитывали в 1906 г. более 400 тыс. членов, и по численности они превосходили все остальные политические организации Российской империи вместе взятые. Основу «Союза русского народа» составляли крестьяне, мещане и рабочие — не кто иной, как В. И. Ленин, писал о «темном мужицком демократизме» черносотенства [9, т. 24, с. 18]. Если же брать руководителей, то среди них мы видим видных интеллектуалов: академика А. И. Соболевского, А. С. Вязигина, Б. В. Никольского, В. А. Грингмута, архиепископа Тихона (Белавина), архиепископа Антония (Храповицкого) и др.

Одним из идейных вождей черносотенцев был Владимир Андреевич Грингмут (1851–1907). Он родился в Москве в семье немецкого происхождения, исповедавшей лютеранство. Учился в Московском университете. С 1874 г. преподавал древнегреческий язык в Катковском лицее, позднее (1894–1896) был директором этого учебного заведения. В 1878 г. принял православие. С 1871 г. В. А. Грингмут сотрудничал с рядом изданий консервативного направления — «Московскими ведомостями», «Русским вестником», «Гражданином», «Русским обозрением». С 1896 г. и до конца жизни занимал пост редактора «Московских ведомостей». Во время революции 1905–1907 гг. В. А. Грингмут выступил инициатором создания первой монархической партии.

Основанная В. А. Грингмутом Русская монархическая партия стала первым объединением черносотенного толка, а само его имя превратилось для левой и либеральной общественности в своеобразный символ реакции и обскурантизма. Видный консерватор предлагал не ограничиваться только политическими и силовыми средствами. В качестве противодействия интеллигентскому нигилизму В. А. Грингмут разработал план организации Кирилло-Мефодиевских школ (низших, средних и высших), которые давали бы не только научные знания, но и русское национальное воспитание. Умер он от воспаления легких, на его могиле был установлен памятник по рисунку В. М. Васнецова (кстати, видного сторонника черносотенного движения) с предсмертными словами В. А. Грингмута: «Православные люди, собирайтесь, объединяйтесь, молитесь» [13, с. 184]. Его преждевременная кончина стала серьезным ударом по всему черносотенному движению.

Консервативный спектр, Впрочем, включал в себя не только черносотенцев. Особо следует сказать о редакции газеты «Новое время», издававшейся

Алексеем Сергеевичем Сувориным (1834–1912). А. С. Суворин — крупнейший русский издатель конца XIX — начала XX в. Его деятельность началась еще в конце 1850-х гг. в Воронеже, где будущий издатель и публицист сблизился с поэтом И. С. Никитиным и М. Ф. Де-Пуле. В 1863 г. А. С. Суворин перебрался в Санкт-Петербург и сотрудничал в либеральных печатных органах («Санкт-Петербургские ведомости», «Вестник Европы») под псевдонимом «Незнакомец». В 1876 г. он стал издателем газеты «Новое время», которая приобрела особую популярность во время Балканских событий (болгарское восстание 1876 г., русско-турецкая война). В эти годы А. С. Суворин перешел на консервативные или, скорее, националистические позиции.

Вместе с тем нельзя упускать из внимания замечание В. В. Розанова, что «это был русский ум, а не “фракционный” ум; это был русский характер, а не “фракционный характер”» [16, с. 70]. На определенном этапе Суворин отказывается от активной публицистической деятельности, продолжая лишь время от времени помещать в своей газете «Маленькие письма». «Контрагентство печати», созданное Сувориным, являлось монополистической организацией, занимавшейся распространением периодических и других печатных изданий на территории Российской империи. Впервые в России издатель организовал выпуск ряда популярных книжных серий: «Дешевая библиотека», «Новая библиотека», «Научная дешевая библиотека». Современники не случайно называли Суворина «Наполеоном книжного дела».

«Новое время», разумеется, нельзя назвать черносотенной газетой. Ее идеология скорее была созвучна программе националистов. (Впрочем, были и другие мнения. Н. А. Бердяев в статье «Судьба русского консерватизма» (1904) следующим образом характеризовал газету А. С. Суворина: «И долгие, темные годы в повседневной прессе царствовало “Новое Время” и владело сердцами огромной массы русских обывателей. Было бы слишком много чести назвать этот орган консервативным, так как в названии этом есть все-таки намек на какой-то порядок идей, какое-то направление. О, мы прекрасно знаем, что “Новое Время” может быть и либеральным, может запеть какие угодно песни, когда минута этого потребует, когда это будет удобно и выгодно, оно никогда не станет по-донкихотски защищать консервативных идей, над которыми будет смеяться “ново-временская” улица. “Новое Время” останется в русской истории как символ пережитого нами позора, как яркий образец литературного разврата и проституции» [8, с. 532].) В одном из «Маленьких писем» 1907 г. А. С. Суворин так характеризовал установки революционеров-сепаратистов:

Вы, конечно, видите, что на Великоросса идут с оружием и дреколием. На него именно идет эта революция. Его именно она хочет поглотить, обессилить и обезво-лить. Со всех окраин идут крики, что Великоросс ничтожен, что он должен уступить и подчиниться, что его век прошел, его вековые работы уничтожены, его главенство должно разлететься прахом. Окраины поднимают оружие против него и грозят. Он, создавший империю, должен спокойно выслушивать проклятия и угрозы и нести на своем горбу всю эту свалку. Твердый, мужественный, даровитый, государственный, Великоросс считается уже какой-то неважной величиной [8, с. 511].

Среди сотрудников «Нового времени» начала XX в. мы видим В. В. Розанова, М. О. Меньшикова, А. А. Столыпина (брата будущего премьер-министра)

и совсем еще молодого И. Л. Солоневича. «Новое время» твердо отстаивало русские интересы по всем вопросам внутренней и внешней политики. На протяжении 16 лет, с периодичностью 2–3 раза в неделю, Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) печатал здесь свои «Письма к ближним». В них поднимались острые проблемы современности: экономическая зависимость России от Запада, еврейский вопрос, модернизация вооруженных сил. Публицист, бывший офицер флота, он прекрасно понимал, что «мы находимся накануне большой войны и, может быть, целого цикла войн, как при Наполеоне» [10, с. 205].

М. О. Меньшикова можно назвать одним из идеологов националистов — идейно-политического течения, оформившегося между двумя революциями. В 1908 г. Меньшиков стал одним из инициаторов создания Всероссийского национального союза, в который вошли умеренно-правые элементы русского образованного общества. В 1909 г., вместе с Павлом Николаевичем Крупенским (1863–1939), он выступил в качестве организатора Всероссийского национального клуба. Националистическую концепцию Меньшиков стремился обосновывать в духе биологического детерминизма и расизма. В консервативной формуле «православие, самодержавие, народность» Меньшиков и его единомышленники делали основной упор на последней составляющей. Отсюда — весьма непростые отношения с монархистами и черносотенцами.

Для силового давления на революционеров в 1906 г. был призван Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) — сначала министр внутренних дел, а чуть позже председатель Совета министров Российской империи. Опираясь на силовые структуры и черносотенцев, П. А. Столыпину смог подавить революционные выступления. В стране активно действовали военно-полевые суды, в чьей компетенции были дела революционеров-террористов. В обиход вошло выражение, принадлежавшее кадету Ф. И. Родичеву: «стольпинский галстук». Лозунгом П. А. Столыпина стал принцип, сформулированный еще Б. Н. Чичериным: «Либеральные реформы и сильная власть». В этом отношении он следовал скорее линии либерального консерватизма, чем консерватизма, традиционного для России XIX в.

В качестве альтернативы революции он предложил курс экономических и политических реформ. Главным в повестке дня был аграрный вопрос, который видный консервативный теоретик назвал «самым острым из всех вопросов современной государственной экономической жизни России» [20, с. 420]. Не случайно в волнениях, охвативших Российскую империю в 1905–1907 гг., приняли участие миллионы крестьян. Аграрная политика П. А. Столыпина предполагала ликвидацию сельской общины и замену ее единоличными хозяйствами. Свою деятельность премьер-министр считал заключительным звеном в деле раскрепощения крестьянства, начавшегося еще в 1861 г. Разумеется, утверждал П. А. Столыпин, помимо деятельности по организации выхода из общины, необходимы параллельные мероприятия: организация кредита, переселение крестьян в малонаселенные восточные регионы (Д. А. Хомяков удивлялся — как это власти раньше не пошли на эту меру, естественную в условиях огромной по территории Империи? Первым, кто попытался поставить дело переселения на «твердую принципиальную почву» был министр внутренних дел В. К. Плеве. Именно поэтому он был убит, а «им выработанные

законы канули в совершенную неизвестность» [20, с. 422]. Отсюда можно будет сделать вывод, что слишком влиятельные силы (в первую очередь, крупные землевладельцы) были заинтересованы в аграрном перенаселении центральных и западных губерний Российской империи.), агрономическая помощь, духовное и светское просвещение и т. д. Возглавляемое им правительство не ограничи- валось декларациями, а предприняло целую серию мер в данном направлении.

Вот как характеризовал эту политику М. Вебер:

Столыпин в своем аграрном законодательстве предоставил крестьянам право (1906–7) на определенных условиях выходить из мира и требовать, чтобы им выделялся участок (хутор), который затем уже больше не вовлекался в переделы. <...> Ближайшим результатом аграрной реформы Столыпина было то, что более зажиточные крестьяне, сильнеешие капиталом, и те, которые владели большею площадью земли, чем полагалось по сравнению с числом их «едоков», вышли из мира, и русское крестьянство раскололось на две половины. Одна из них, класс богатых крупных крестьян, выделилась и перешла к подворному хозяйству, другая гораздо более многочисленная, которая осталась в общине, владела слишком малым количеством земли и была лишена возможности переделов и, значит, обречена на безнадежную пролетаризацию. Вторая группа возненавидела первую, считая ее насильником над божественным правом мира; первая тем самым была безусловно заинтересована в прочности устанавливающегося нового строя и, если бы не мировая война, она образовала бы новую опору и сплоченную гвардию для царизма [2, с. 28].

В политической сфере премьер-министр опирался на октябристов, чьим вождем был А. И. Гучков. В дальнейшем П. А. Столыпин способствовал организации партии русских националистов. Основой последней стал Всероссийский национальный союз, о котором уже шла речь. Одним из вождей этого направления стал думский депутат В. В. Шульгин, а виднейшим идеологом — М. О. Меньшиков. Ни о каких традиционных правах в качестве союзников П. А. Столыпина на пике его карьеры речи не шло. Более чем выразительную оценку событий, происходивших в России, дал Дмитрий Алексеевич Хомяков (1841–1919) — сын основоположника славянофильства и видный консервативный идеолог. На реформационную активность властей он откликнулся статьей «Разгром общины — Указ 9 ноября» (1906), в которой констатировал:

Крестьянство, зиждущееся на общине, таким образом, уничтожено, и не какой-нибудь бунтарской Думой, от которой всего можно ждать, но которая все-таки не договорилась до решения, тождественного с решением французского революционного правительства 1792 г. (Речь идет о декрете французского правительства от 14 августа 1792 г., на который ссылались разработчики указа от 9 ноября 1906 г. По этому декрету общинные земли были распределены на участки личной собственности. Нечто подобное начали проводить на русской почве реформаторы во главе с П. А. Столыпиным. Для консерватора Д. А. Хомякова данная параллель выглядела чудовищно, но, учитывая логику буржуазных революций, она вполне последовательна. — А. К.) Оно уничтожено правительством, поправшим эту болтливую гидру [20, с. 426].

Неудивительно также, что столыпинские реформы, следовавшие в русле идей либерального консерватизма, поддержал крупнейший теоретик этого

толка — Петр Бернгардович Струве (1870–1944). Он родился в семье немецкого происхождения, осевшей в России в XIX в. (его дед, В. Я. Струве, был первым директором Пулковской обсерватории). С детских лет П. Б. Струве, по его собственному признанию, впитал в себя славянофильское воспитание и дух немецкой культуры. В молодости будущий ярый критик коммунизма прошел через увлечение набирающим на русской почве популярность марксизмом. П. Б. Струве принимал участие в работе Второго Интернационала, редактировал журналы «Новое слово» и «Начала», а в 1898 г. подготовил «Манифест РСДРП». В целом его взгляды этого периода относят к т. н. легальному марксизму; единомышленниками П. Б. Струве были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. И. Туган-Барановский и С. Л. Франк. Отсюда знаменитый лозунг, сформулированный Струве: «...признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму» [18, с. 287]. За свою оппозиционную деятельность он был отправлен в ссылку, затем уехал на Запад. В политическом отношении П. Б. Струве начинает эволюцию вправо, он был участником программных сборников русских идеалистов — «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918). На волне политической активности П. Б. Струве становится депутатом II Государственной думы, примкнув к правому крылу партии кадетов. В отличие от большинства своих товарищей по партии, он выступал за компромисс с властями, последовательно поддерживал реформы П. А. Столыпина. Лозунг П. Б. Струве в этот период — «Великая Россия».

Своеобразным симптомом начавшихся после поражения революции 1905–1907 гг. изменений общественного сознания стал знаменитый сборник «Вехи», авторы которого подвергли резкой критике традиционные установки русской интеллигенции. Среди участников этого сборника, помимо П. Б. Струве, были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский (его называли «родоначальником марксизма в Киеве»). Большинство из них принимало участие еще в сборнике «Проблемы идеализма». В отличие от последнего, интересного лишь специалистам по гуманитарной тематике, новый сборник был рассчитан на широкого читателя. Доступность сыграла с «Вехами» своеобразную злую шутку, они были встречены в штыки представителями большинства партий — от кадетов до большевиков. Действительно, что можно сказать о следующих строках, содержащихся в статье М. О. Гершензона «Творческое самосознание»:

Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной [3, с. 90].

В советский период данная цитата кочевала из одной работы, посвященной «Вехам», в другую. Сам автор почувствовал неладное и уже во втором издании был вынужден сделать примечание, уточнявшее приведенные выше строки. Тем не менее джин из бутылки был выпущен. Практически весь левый и либеральный спектр ополчился на «Вехи». Например, уже в 1909 г. увидел свет сборник «В защиту интеллигенции», чьи участники обрушились на «веховцев» с резкой критикой. П. Н. Милюков — вождь кадетов, даже совершил специальное турне по России, чтобы прочесть лекции, в которых опровергал

положения знаменитого сборника. Он даже предостерегал оппонентов, что в своих социально-политических построениях они опасно приближаются к знаменитой формуле графа С. С. Уварова, хотя прямо отождествить их воззрения с черносотенными все же не решился. Солидаризируясь со своим вождем, публицисты кадетского толка выпустили сборник статей «Интеллигенция в России» (1910). Журнал «Запросы Жизни», начавший выходить с октября 1909 г., А. С. Изгоев даже назвал «Еженедельными Анти-Вехами», поскольку там регулярно помещались враждебные по отношению к скандальному сборнику статьи. Подобно кадетам, со своим коллективным сборником выступили эсеры — ««Вехи» как знамение времени» (1910). Наконец, В. И. Ленин оценил «Вехи» как «энциклопедию либерального ренегатства» [9, т. 19, с. 168].

Сторонники «нового религиозного сознания» по данному вопросу разделились. Нельзя забывать, что Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и С. Л. Франк сами были видными участниками этого направления. Кроме того, в поддержку скандально знаменитого сборника выступили крупнейшие писатели-«модернисты» — В. В. Розанов («Мережковский против “Вех”», «Между Азефом и “Вехами”», 1909; «К пятому изданию “Вех”», 1910) и А. Белый («Правда о русской интеллигенции. По поводу сборника “Вехи”», 1909). Напротив, с резкой критикой на «Вехи» обрушились Д. С. Мережковский и Д. В. Filosoфoв. Для этой группы были характерны неприятие самодержавия и тесно связанной с ним церковной иерархии, а также установка на религиозное обоснование революции. Например, в эссе «Царь-Папа», вошедшем в коллективный сборник «Царь и революция» (1907), Д. В. Filosoфoв писал: «Подчинившись империи, церковь умирает, убитая ядом самодержавия, а само самодержавие отравлено ядом православия» [8, с. 550]. Возвращаясь к «Вехам», отметим, что правый фланг общественного мнения отнесся к данному сборнику более благожелательно, чем левый и либеральный. Необходимо выделить статьи А. А. Столыпина, архиепископа Антония (Храповицкого), князя Е. Н. Трубецкого. Наконец, читатели голосовали за «Вехи» рублем — за короткое время свет увидело пять изданий знаменитого сборника.

Снова обратимся к реформам, связанным с именем П. А. Столыпина. Следует заметить, что практически вся жизнь знаменитого реформатора прошла вдалеке от коренной России. Он учился в столице, а наиболее длительный период службы пришелся на Ковенскую губернию (сейчас Литва). По служебным делам ему часто приходилось бывать в Восточной Пруссии. В этих регионах господствующим типом были хуторские хозяйства, имевшие давнюю историю. В собственно русской губернии, Саратовской, П. А. Столыпин начал губернаторствовать уже на пятом десятке — в 1903 г. Практически сразу ему пришлось иметь дело с аграрными «беспорядками», что, разумеется, не способствовало погружению в тонкости хозяйствования. В итоге за основу экономической реформы им была положена чужеродная модель хозяйствования, которая не имела прочных корней на русской почве.

Результаты получились прямо противоположными тому, чего ожидал инициатор реформ. Еще в 1909 г. В. И. Ленин так характеризовал эти реформы в письме к И. И. Скворцову-Степанову:

Струве, Гучков и Столыпин из кожи лезут, чтобы «совокупиться» и народить бисмарковскую Россию, — но не выходит. Не выходит, и сами признают, что не выходит. Аграрная политика Столыпина правильна с точки зрения бисмарковщины. Но Столыпин сам «просит» 20 лет, чтобы ее довести до того, чтобы ее довести до того, чтобы «вышло». А двадцать лет и даже меньший срок невозможен в России без 30–48–71 гг. (ежели по-французски) и 63–65 гг. (ежели по-немецки). Невозможен. А все эти даты (и 30–48–71 и 63–65) и есть «общедемократический натиск» [9, т. 47, с. 224].

Быть может, если бы эти реформы проходили в более спокойное время, они смогли изменить хозяйственный и социально-политический ландшафт Российской империи. В реальности они способствовали резкому расслоению сельского населения и обострению социального противостояния в деревне. С. Г. Кара-Мурза имел все основания сказать, что столыпинская реформа «провалились по всем пунктам» [5, с. 55]. Несомненно, что реформационная деятельность содействовала усилению революционной активности масс. Поскольку правые были враждебно настроены к этим реформам, П. А. Столыпин сделал все, чтобы разрушить их организационные структуры. Монархисты подозревали Столыпина в бонапартизме. Не случайно в Думе «он опирался не на правых, а на октябристов (в конце своей деятельности на националистов), одновременно ведя политику на раскол правых организаций» [17, с. 273].

Результатом стала ожесточенная грызня между руководителями черносотенных организаций и серьезная деморализация их рядовых членов. Сложилась парадоксальная ситуация: многие участники подавления революции 1905–1907 гг. оказались... на скамье подсудимых. Как указывает А. Д. Степанов,

на них обрушилась вся мощь судебной системы государства, которое они защищали от бунтовщиков. И фактически эти люди были предоставлены сами себе. <...> Понятно, что в 1917 году у многих уже не было желания защищать государство, которое не только не гарантировало впоследствии защиты своим защитникам, но структуры которого собственно их и преследовали [13, с. 21] (Показательно, что преследованию подверглись не только рядовые члены черносотенных организаций, но и их руководители. В. А. Грингмут в 1906 г. выпустил «Руководство черносотенца-монархиста» [8, с. 500–507]. Оно вызвало судебное преследование — автора обвинили в разжигании вражды между различными группами населения Российской империи [14, с. 222] — А. К.).

Еще один пункт расхождений между Столыпиным и его консервативными оппонентами — конфессиональный. Следуя логике, заложенной в его программе, для ее успешной реализации премьер-министр должен был обратиться к представителям сектантства, а тем самым вступить в конфликт с официальной церковью. Этим ставилась под удар первая составляющая формулы русского консерватизма — православие. Как писал Н. Ф. Платонов,

Столыпин использовал официальную церковь в интересах своей политики. <...> Синод пошел даже на учреждение организации разъездных священников-служителей для обслуживания специально хуторян, хотя это было совершенно не в духе канонических правил. Но все же и Столыпин видел, что официальная церковь уже не может быть силой подавления революции на идеологическом фронте. <...>

Синод требовал, чтобы правительством были совершенно запрещены религиозные собрания различных сектантских группировок. Столыпин же утверждал устав «Русского евангельского союза» и допускал не только собрания, но и ряд сектантских журналов: «Христианин», «Сеятель», «Вера», «Радостная весть», «Баттист» и т. д. Сектантство не без успеха разлагало народные массы, отвлекая своих последователей от революционной борьбы против эксплуататоров [12, с. 174].

Между тем, в результате реализации идей Манифеста и проведенных реформ политическая жизнь Российской империи претерпела радикальные изменения. В лице Государственной думы царская власть получила серьезного оппонента, чья разрушительная роль в полной мере сказалась в годы следующего серьезного испытания — во время Первой мировой войны. В мирное время у оппозиционеров не было реальных шансов на успех, хотя действия властей не раз вызывали массовое негодование (вспомним хотя бы Ленский расстрел 1912 г.). Тем не менее этого было недостаточно для изменения государственного строя. Ситуация стала радикально иной в 1914 г., когда началась Первая мировая война, потребовавшая от ее участников «тотальной мобилизации» всех людских и материальных ресурсов. Стало ясно, что победа в этой войне не будет быстрой, а победит тот, у кого окажется больше материальных ресурсов и более крепкие нервы.

Либеральная оппозиция почувствовала, что это ее шанс на смену власти, который нельзя упустить. Для этого ею по полной мере был использован парламентский механизм. Трибуна Думы превратилась в настоящую арену борьбы представителей партий, объединившихся в 1915 г. в Прогрессивный блок (кадеты, октябристы, «прогрессисты»), с Николаем II и его окружением. В это объединение вошло больше половины депутатов Государственной думы (236 из 422). В книге «Оккультные истоки революции. Русские масоны XX века» В. С. Брачев характеризует данное парламентское объединение следующим образом: «Организаторами Прогрессивного блока были масоны, а главным требованием его стало создание кабинета общественного доверия» [1, с. 394].

Серьезные последствия имело смещение с поста Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, последовавшее после череды неудач русской армии в 1915 г. Освободившийся пост занял сам Николай II. Недоволен был не только сам Николай Николаевич, но и весь клан великих князей, которым явно показали их место. Негодование охватило и либеральные круги — им явно не хотелось, чтобы лавры победителя в Мировой войне достались их оппоненту. То же можно сказать и о различных радикалах. Дальнейшие действия в работе «Миф о Николае Втором» (1949) описал И. Л. Солоневич:

1916 год был последним годом интеллигентских надежд. Все, конечно, знали это — и союзники, и немцы, знал это, конечно, и Милюков, что армия наконец вооружена. <...> Что — если русское самодержавие достигнет русских целей и без Милюкова. <...> И вот российская интеллигенция бросилась на заранее подготовленный штурм» [8, с. 709–710].

Для этого годились все средства — от обвинений высшей власти в сепаратных переговорах с Германией до демонизации Григория Распутина. Например, А. И. Гучков развернул оголтелую кампанию против военного министра

В. А. Сухомлинова, которого обвинили в государственной измене. В результате последний был снят со своего поста и арестован. П. Н. Милюков 1 ноября 1916 г. произнес в Думе знаменитую речь, каждый антиправительственный пассаж которой заканчивался риторическим вопросом: «Глупость или измена?». Слушатели, не задумываясь, хором отвечали: «Измена!» Речь, разумеется, была запрещена для печати, но распространялась по стране миллионными тиражами. Сам Милюков назвал ее «штурмовым сигналом» революции. И все это делалось в самый разгар войны, когда ее исход был неясен. Подобные ходы вызывали недоумение даже у союзников России по Антанте.

Результатом стало свержение самодержавия в феврале 1917 г. и приход к власти сил, ориентированных на буржуазно-конституционалистское развитие России. Консервативные силы потерпели сокрушительное поражение. Но, разумеется, основную ответственность за произошедшее несла сама верховная власть, оказавшаяся неспособной выдержать историческое испытание. Правда, используя терминологию М. Вебера, русский конституционализм оказался «псевдоконституционализмом», его победа оказалась Пирровой. Как указывал В. В. Кожин,

масонам в Феврале удалось быстро разрушить государство, но затем они оказались совершенно бессильными и менее чем через восемь месяцев потеряли, не сумев оказать, по сути дела, ровно никакого сопротивления новому, Октябрьскому, перевороту [7, с. 295].

Действительно, когда большевики пошли на штурм Зимнего дворца, в котором размещалось Временное правительство, то защищать его было просто-напросто некому — настолько новая власть успела себя дискредитировать.

Теперь коснемся теоретических проблем. Во втором коробе «Опавших листьев» (1915) В. В. Розанов следующим образом характеризовал принципиальное различие позиций русских либералов и консерваторов:

Вся русская «оппозиция» есть оппозиция лакейской комнаты, т. е. какого-то заднего двора — по тону: с глубоким сознанием, что это — задний двор, с глубокой болью — что сами «позади»; с глубоким сознанием и признанием, что критикуемое лицо или критикуемые лица суть барин и баре. Вот это-то и мешает слиться с оппозицией, т. е. принять тоже лакейский тон. <...> Политическая свобода и гражданское достоинство есть именно у консерваторов, а у «оппозиции» есть только лакейская озлобленность и мука о своем ужасном положении [15, с. 270–271].

Даже в самых неблагоприятных для себя условиях русские консерваторы оказались способными на интеллектуальный подвиг. Парадоксально, но факт — самая фундаментальная работа, посвященная обоснованию самодержавия, была напечатана в разгар революции 1905–1907 гг. Речь идет о «Монархической государственности» Л. А. Тихомирова, чьи четыре части увидели свет летом 1905 г. В этом труде автор проследил развитие монархического принципа в Риме и Византии, но особенно подробно остановился на специфике русского самодержавия. Л. А. Тихомиров указывал, что

монархия основана на Верховной власти идеального объединяющего принципа. Но Верховная власть идеального объединяющего принципа не исключает, а даже

требует действия частных подчиненных принципов. Наоборот, другие принципы верховной власти имеют естественное стремление исключать действие других. Демократия, основанная на верховной власти количественной силы, по существу, враждебна влиянию нравственной силы, как в ее аристократических формах, так и в формах единоличного влияния. Монархическое самодержавие свободно от такой тенденции [19, с. 718–719].

«Монархическую государственность» не случайно называли «Библией монархизма». Именно монархическая власть, указывал ее автор, не допускает преобладания численной силы над силой нравственной. Тем самым, считал Л. А. Тихомиров, в монархическом государстве наилучшим образом обеспечивается качественная сторона коллективного творчества. Автор «Монархической государственности» прекрасно отдавал себе отчет в том, что в современных условиях, когда вражда классов затмевает в сознании народов сознание солидарности, подлинная монархия существовать не может. За данное положение вещей огромная доля ответственности лежит на абсолютизме, который на протяжении длительного времени компрометировал монархический принцип. Тем не менее, писал Л. А. Тихомиров, в ходе дальнейшего исторического развития достоинства монархии будут востребованы и тогда она снова «явится всемирной деятельницей прогресса» [19, с. 720].

В своих работах Л. А. Тихомиров также отводил важное место решению социальных проблем. Наряду с К. Н. Леонтьевым, он принадлежал к числу консерваторов, уделявших большое внимание социальной проблематике. Этой теме был посвящен ряд работ Тихомирова: «Демократия либеральная и социальная», 1896; «Вопросы экономической политики», 1900; «Рабочий вопрос и русские идеалы», 1902; «Рабочие и государство», 1908; «Рабочий вопрос (практические способы его решения)», 1909. В 1907 г., при личном участии П. А. Столыпина, он стал членом Совета Главного Управления по делам печати. В этой должности Тихомиров был консультантом премьер-министра по рабочему вопросу, выступает за энергичные реформы в деле рабочего законодательства. В 1909 г. он вернулся в Москву, где получил в аренду «Московские ведомости». В 1913 г. Тихомиров поселился в Сергиевом Посаде, где работал над трактатом «Религиозно-философские основы истории» (опубликован в 1997 г.).

Особое место в эту эпоху принадлежит трудам правоведов, которые занимались теоретическим обоснованием самодержавия. Среди них необходимо назвать В. Д. Каткова, П. Е. Казанского (автора фундаментального труда «Власть Всероссийского Императора», 1913) и Н. А. Захарова (из-под его пера вышла работа «Система русской государственной власти», 1912). Произведения правоведов-консерваторов заполнили важную брешь, существовавшую в отечественной юридической литературе. Продолжая традиции русского консерватизма предыдущего столетия, они показывали специфику правовых отношений в России, их принципиальное отличие от порядков западноевропейских. В брошюре «О русском самодержавии» (1906) В. Д. Катков резюмировал, что «не по платью растет человек, а платье шьют сообразно росту его организма. Учреждения страны не навязываются ей, а растут в зависимости от особенностей ее жизни» [6]. Ссылаясь на Н. Я. Данилевского, он приходил

к выводу, что любые внешние ограничения самодержавной власти непременно обратятся в мертвую букву — ненужную и непонятную русскому народу.

Петр Евгеньевич Казанский (1866–1947) взялся конкретизировать требования своего коллеги и единомышленника по консервативному лагерю. Какими же характеристиками обладала власть Всероссийского императора? В работе, специально посвященной данной теме, П. Е. Казанский писал:

Императорская власть является верховной потому, что она есть господствующая сила, она неограниченна потому, что нет ни высшей ее силы, ни равной с ней, она обладает полнотой функций потому, что нет другой силы, которая могла бы взять на себя часть полномочий государственной власти. Все остальные силы подчиняются господствующей, единяются с ней, содействуют ей, имеют в ней свой источник. Без фактического суверенитета Верховная Власть не может быть верховной и в юридическом отношении, не может быть неограниченной и т. д. [4, с. 517–518].

В силу катастрофического развития событий, дальнейшие исследования по специфике социально-политического и юридического устройства России отечественные консерваторы были вынуждены проводить уже в эмиграции. Там были написаны такие основополагающие для интересующей нас традиции труды, как «О монархии и республике» И. А. Ильина и «Народная монархия» И. Л. Солоневича. Впрочем, как указывает С. Сергеев, сопоставляя эти работы с фундаментальным трактатом Л. А. Тихомирова, они «несовместимы с “Монархической государственностью” ни по глубине мысли, ни по широте охвата материала, ни по детальности разработки тем» [19, с. 13]. Тем не менее произведения И. А. Ильина и И. Л. Солоневича добавили, используя емкое определение В. В. Розанова, «много дров в печку национального сознания». Не случайно они переиздаются и читаются в наше время.

Представители либеральной профессуры действовали прямо противоположным образом. Они, как правило, предпочитали писать о чем угодно, только не о традициях русской государственной модели. Если же объектом исследований представителей этой почтенной корпорации становилась русская история, то профессора пытались понять ее на основе западных образцов. Классический пример подобной фальсификации дает нам труд Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси» (1907). В полном противоречии со всеми историками XIX столетия он «открывает» русский феодализм, подгоняя материал отечественной истории под схемы западной историографии. Любопытно, что Н. П. Павлов-Сильванский был видным деятелем кадетской партии, но при этом использовал методологию марксизма. Как пишет о ситуации, сложившейся в России начала XX в., С. Г. Кара-Мурза,

в принципе, на одном и том же языке в начале века могли говорить и понимать друг друга и либералы-кадеты, и Колчак, и Савинков, и социал-демократы. Это язык евроцентризма, который отвергал существование иных цивилизаций, кроме Запада [5, с. 11].

Подобное относится и к его товарищам по партии, труды которых посвящены русскому консерватизму. Например, П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер,

С. П. Мельгунов как с живыми боролись с видными фигурами отечественного консерватизма эпохи Александра I и Николая I. Речь идет об их статьях и книгах, посвященных А. А. Аракчееву, Ф. В. Ростопчину, самому Николаю I и др. В них они видели предшественников своих политических оппонентов из «Совета объединенного дворянства» и «Союза русского народа». Эти исторические фальсификации призваны были обосновать притязания русской буржуазии и выразивших ее интересы партий на власть. Притязания, как показала история, оказавшиеся несостоятельными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брачев В. Оккультные истоки революции. Русские масоны XX века. — М.: Издатель Быстров, 2007.
2. Вебер М. История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории / пер. под ред. И. М. Гревса. — Пг.: Наука и школа, 1923.
3. Вехи. Из глубины. — М.: Правда, 1991.
4. Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. — М.: ФондИВ, 2007.
5. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. — М.: Алгоритм, 2002.
6. Катков В. Д. О русском самодержавии. — URL: [http:// az.lib.ru/k/katkov_w_d/text-1906-o-russkom_samoderzhavii.shtml](http://az.lib.ru/k/katkov_w_d/text-1906-o-russkom_samoderzhavii.shtml) (дата обращения: 24.01.2017).
7. Кожин В. В. История России. Век XX. — М.: Алгоритм, 2016.
8. Консерватизм: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. А. Я. Кожурина; ред., предисл. А. А. Синицына. — СПб.: РХГА, 2016.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М.: Изд-во политической литературы, 1967–1981.
10. Меньшиков М. О. Русский офицер не может быть побежден! // Российский военный сборник. Государственная оборона России: Императивы русской военной классики. — М.: Военный ун-т; Русский путь, 2002. — С. 197–205.
11. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. — М.: Советский писатель, 1989.
12. Платонов Н. Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917 гг.) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. — IV. Критика идеологии православной церкви. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 103–209.
13. Правая Россия. Жизнеописания деятелей монархического движения начала XX века / сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. — М.: Царское дело, Русская народная линия, 2015.
14. Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России. — М.: Academia, 2007.
15. Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. — М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. — Т. 30: Листва.
16. Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. — М.: Республика, 2004. — Т. 19: Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1901 г.).
17. Смолин М. Б. Тайны русской империи. — М.: Вече, 2014.
18. Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. — СПб., 1894.

19. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — М.: Книга по требованию, 2013.

20. Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность / сост., вступ. ст., прим., именной указатель А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2011.